

Е.В. Панкратова*

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАСТЕЙ ПО ФОРМИРОВАНИЮ
СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В 1930-Е ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

Образование и воспитание подрастающего поколения в рамках существующей идеологии было одной из приоритетных задач советских властей. По словам Н.К. Крупской, «педагогика не тихая заводь, где нет никакой борьбы. Педагогика — один из важнейших участков классовой борьбы за социализм»¹.

Требования улучшить социальный состав преподавателей для первой половины 1930-х гг. стали постоянными. Пензенский окружком например, разбирая состав преподавателей 7 школ крестьянской молодежи (ШКМ), сделал вывод о «неудовлетворительном составе преподавателей как по образовательному, партийному, так и по социальным признакам». Этот вывод был основан на том, что из 40 преподавателей этих школ, только 14 человек были партийными, высшее образование имели только 13 человек, среднее — 24 и низшее — 3 человека. Несмотря на то, что рабоче-крестьянское происхождение имело значительное большинство — 29 человек, общую картину портило, с точки зрения властей, то обстоятельство, что в числе преподавателей оказалось 9 человек из семей служащих и 3 — из духовенства².

Результатом такой политики стало стремление людей, имеющих «неподходящее» социальное происхождение, скрывать его и пытаться миновать препоны под видом пролетариев или крестьян-бедняков. Например, из совпартшколы в 1935 году был исключен Ефремов Трофим Филатович, «за сокрытие социального происхождения, как выходец из кулацкой семьи». Курсант Никишин был исключен «за сокрытие ссылки на 10 лет, за вредительство в колхозе своего отца...»³.

Наибольшее внимание уделялось социальному происхождению и роду занятий ближайших родственников. Широко практиковалась выдача справок о социальном происхождении. Исполнительный комитет советов Средневолжского края в 1931 году обращался ко всем председателям райсполкомов с требованием относиться к выдаче подобных справок со всей ответственностью, в связи с тем, что «за последнее время имеется ряд случаев проникновения лиц, лишенных избирательных прав, кулацких и других антисоветских элементов на строительство, на работу в госаппарат и другие учреждения». Это вызвано тем, что «антисоветские элементы умело используют неопытность, а зачастую и преступную халатность работников сельсоветов, выдающих выезжающим из сельской местности... всевозможные справки без указания действительного социального положения того или иного лица»⁴.

* соискатель кафедры истории и права Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.

В ответ на проводимую политику многие пытались скрывать компрометирующие их семейные связи. Только тогда они могли рассчитывать и на получение образования, и на возможность карьерного роста. Однако, это удавалось далеко не всегда и не всем. Один из лишенцев обратился с письмом в Наркомпрос РСФСР, в котором жаловался на безвыходность ситуации: «Я обращаюсь к вам, чтобы указать, в каком тупике находится значительная часть нашей учащейся молодежи, волею случая имеющая родителей «с прошлым». Что делать? Куда идти?... Пути дальше нет. Греки, не то римляне убивали хилых детей, чтобы избавить их ожидаемых страданий. Не следовало ли родителям «с прошлым» поступать также?»⁵. Следствием стало распространение публичных отречений от родственников, оказавшихся в числе «врагов народа». Как правило, это было вынужденной мерой.

Широкое распространение в этот период получили анкеты, ставшие буквально неотъемлемой частью повседневной жизни советского человека 1930-х гг. Без заполнения анкет не обходилось ни устройство на работу, ни вступление в партию, комсомол или профсоюз. Анкеты носили специфический характер, поскольку должны были служить выявлению «социально чуждых элементов», а следовательно, потенциальных врагов. Фонд Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР содержит образцы личных листков по учету кадров, в которых обязательными для заполнения являются, в том числе, следующие пункты: «... точно указать социальное происхождение: бывшее сословие (звание); а) основное занятие родителей, б) владели ли недвижимым имуществом (каким и где?); в) чем занимаются и где находятся в настоящее время; г) кто из родственников лишен избирательных прав и за что»⁵.

Анкеты должны были служить препятствием, не допускающим проникновения в учреждения «чуждых элементов». Тем не менее, вопрос о «засоренности» советского аппарата поднимался властями постоянно. «Под засоренностью нашего аппарата мы понимаем нахождение в рядах адморганов и милиции, классово чуждых нам людей, бывших полицейских работников, жандармов, попов и др. вредных для рабочего дела субъектов». И констатируя тот факт, что «учреждения г. Пензы в составе своих служащих имеют чуждый элемент», подчеркивалось, что это стало возможным потому, что «анкеты на них составлялись со слов, без предоставления документов», т.е. была проявлена недопустимая халатность⁶. Прием на работу лиц, чуждых по происхождению, грозил серьезными неприятностями руководителям предприятий. Это могло быть расценено как пособничество врагу.

Неудовлетворительная работа учреждений объяснялась наличием среди служащих «чуждых антисоветских элементов». Председателю Бузулукского Окрисполкома т. Кавардину ставилось в вину то, что в аппарате Округного Земуправления таковых насчитывалось 60%. Внимание председателя Пензенского Окрисполкома обращалось не только на то, что даже в аппарате Округного Земельного Управления «работает бывших помещиков 4 человека, бывших дворян 15 человек и из духовенства 7 человек»⁷.

«Чужими» оказывались и те члены социальной группы, которые нарушали принятые нормы. В 1930-е годы в качестве нарушения норм могли фи-

гурировать соблюдение религиозных обрядов, связь с «чуждыми элементами» и т.д. За этим неизменно следовали карательные санкции. Например, в 1931 году за связь с кулачеством была снята с работы зав. школой пензенского села Алферовка Богомолова⁸. Учителя Кузьмина по распоряжению того же Горона в 1935 г. сняли с работы за выполнение религиозного обряда⁹.

Недопустимым явлением, считался также отход от установленной программы, любое проявление инакомыслия. Особенно это относилось к общественным дисциплинам. Здесь от преподавателей требовалось особо строгое следование программам. В Кооперативном техникуме в 1933 году, «в процессе преподавания истории ВКП(б)» были выявлены «грубые отклонения от программы и протаскивание троцкистской контрабанды. Преподаватель истории ВКП(б) упорно обходит вопросы борьбы большевизма с меньшевиками, троцкистами и контрабандистами контрреволюционного троцкизма, старается смазать сущность большевизма, дать историю партии в извращенном виде, подменять ленинизм троцкизмом»¹⁰. В Лесотехническом техникуме были зафиксированы «нарушения», допущенные заместителем директора, секретарем ячейки ВКП(б) Буториным, преподающим в техникуме обществоведение. Он «объясняет студентам, что отмирание государства у нас начинается с момента захвата власти пролетариатом, а не с момента ликвидации классов. Он также объясняет, что в СССР имеется прибавочная стоимость...»¹¹. Однако, это относилось не только к общественным дисциплинам. «Политически бдительным» необходимо было быть при объяснении любого материала, даже если это детская сказка. Например, на педагогическом совещании в Кузнецком дошкольном педучилище, состоявшемся 22 декабря 1937 года, на обсуждении результатов педпрактики разбиралась «ошибка т. Леонтьевой», которая заключалась в том, что она на уроке «давала отрицательную оценку произведению Чуковского «Муха-цокотуха» и в тоже время разрешила использовать этот материал нашим учащимся»¹².

Сами учащиеся также были объектом строгого политического контроля. Например, в одной из пензенских школ в 1935 г. были зафиксированы следующие высказывания учащихся: «Сталин как царь», «Сталина надо убить»¹³. Приходилось констатировать и «наличие у отдельных учащихся упаднических настроений», которые выражались в подаче «записок и вопросов, свидетельствующих о сомнениях в успехах социалистического строительства», были зафиксированы также «разговоры об увеличении голодающих, об отсутствии прироста населения и т.д.», о том, что «у нас не диктатура пролетариата, а диктатура партии и пр.»¹⁴.

Признавалось совершенно недопустимым, что учебные заведения «гораздо полнее обслуживают детей служащих и даже буржуазных элементов, чем детей пролетариев и бедноты». Правда, приходилось признавать, что улучшение социального состава часто достигалось в «значительной степени за счет понижения академических требований, предъявляемых к поступающим» в учебные заведения¹⁵.

В первую очередь следовало создать наилучшие условия «по выдвиганию рабочих, батраков и бедняков». В 1929 г. Пензенский окружком ВКП(б) признал совершенно неудовлетворительным состав учащихся ШКМ. Согласно

принятой резолюции, следовало «добиться решительного улучшения социального состава слушателей за счет вовлечения батраков, бедняков, колхозников (из бедноты и середняков) и в последнюю очередь середняков-единоличников, не допуская чуждый элемент — кулаков, детей попов и т.д. там, где имеется засоренность ими через школьные организации сейчас же провести очищение»¹⁶. В Иссинской школе среди учащихся было обнаружено 3 детей лишенцев¹⁷. В Самаре «в школе №6 им. Ломоносова учатся под именем рабоче-крестьянских детей пользуясь всеми преимуществами таковых: дочь бывшего хлеботорговца и теперешнего спекулянта Чепорухина, дочь сельского попа — Сакина Валерия и дочь другого попа, поступившая под чужой фамилией»¹⁸. В 1933 году было отмечено, что «в некоторых школах бессоновского куста на 10% имеется детей кулаков, а учителя никакого особого внимания этому не уделяли»¹⁹.

Подобная политика порождала множество личных трагедий. Примером может послужить письмо студента Пензенского Лесотехнического техникума Григория Александрова, адресованное секретарю ячейки ВКП(б): «Я все равно б не смог оправдать предъявленные требования партией и правительством, а именно: повысить качество учебы и т.д. ...Большим и лишним людям, как я, жить совершенно ни к чему, ибо социализму нужно творчество здоровых людей...»²⁰. Письмо было расценено как упадническое и отнесено в разряд негативных, и, следовательно, враждебных, явлений.

Таким образом, возможность учиться и преподавать напрямую зависела от социального происхождения, что привело к значительному снижению качества и уровня получаемых знаний.

Примечания

- ¹ Крупская Н.К. Педагогические сочинения в 10-ти т. М., Т.10. С.423.
- ² ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. Р-54. Оп.1. Д.160. Л.130.
- ³ ГАСО (Государственный архив Самарской области). Ф. Р-779. Оп.2. Д.825. Л.90.
- ⁴ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф.142. Оп.1. Д. 515. Л.61.
- ⁵ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.Р- 7668. Оп.1. Д. 175. Л.26.
- ⁶ ГАПО. Ф.Р-429. Оп.1. Д.171. Л.6 об.
- ⁷ ГАПО. Ф.Р-429. Оп.1. Д.198. Л.31.
- ⁸ СОГАСПИ. (Самарский областной государственный архив социально-политической истории). Ф.655. Оп.2. Д.6. Л.101-102.
- ⁹ РГАСПИ. (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф.17. Оп.21. Д. 2504. Л.30.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.208. Л.81-81об.
- ¹² ГАПО. - Ф.54. - Оп.1. - Д.160. - Л.125.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2582. Л.59об.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д. 2504. Л.30.
- ¹⁶ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.208. Л.81-81об.
- ¹⁷ ГАПО. Ф.54. Оп.1. Д.160. Л.125.
- ¹⁸ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2582. Л.59об.
- ¹⁹ Рабочая Пенза. 1933. 26 января.
- ²⁰ ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.474. Л.74.